

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ЗЛО В ИМЕНИ ТВОЕМ

МОСКВА
2022

Эпизод 1

НАЧАЛО

Женщина — противоположность Денди. Следовательно, она должна внушать отвращение. Женщина испытывает голод — и хочет есть. Испытывает жажду — и хочет пить. Она в течке — и хочет, чтобы ее... Великая заслуга! Женщина естественна, то есть омерзительна. К тому же она всегда вульгарна и, значит, полная противоположность Денди.

Шарль Бодлер

«Мое обнаженное сердце»

1

Она стояла у здания гостиницы и дрожала от холода. Погода была удивительно солнечная, не осенняя, было достаточно тепло, но она все равно тряслась от холода. Может, это был своеобразный нервный озноб, который начался с того момента, когда она узнала, что должна пойти к этой проклятой гостинице. А может, просто сказывался нервный рефлекс ожидания. Или страх, что ее могут увидеть и узнать старые знакомые по институту. Это было самое неприятное, что могло

произойти. О том, что неприятности могли быть еще хуже, она старалась не думать.

Из подъезжающих автобусов и автомобилей выходили холеные красивые мужчины и вызывающе-горделивые женщины. От них исходил какой-то непонятный для советского человека магнетизм «личности с той стороны». Глядя даже на спину любого прохожего, можно было определить, кто это: советский человек, пусть даже очень влиятельный чиновник, или крупный фарцовщик, одетый куда лучше иностранцев, или же человек «оттуда». Может, у них просто была несколько другая посадка головы? Или они чувствовали себя увереннее, чем советские люди? Более независимыми? Она не знала ответа на этот вопрос, но, как и все люди, определяла почти сразу, кто перед ней — наш гражданин «с молоткастым, серпастым» или представитель того загнивающего мира, который так дружно ругали по телевизору и в газетах. Шел тысяча девятьсот семидесятый год, и был самый разгар «холодной войны».

Дважды к ней подходили какие-то подозрительные типы. Один явно был спекулянтом с бегаящими глазками и в норковой шапке, несмотря на осеннюю погоду. Как только он показал свою золотую фикса, она все поняла и не стала с ним разговаривать, просто презрительно хмыкнула, и он отстал, поняв тщетность своих усилий. А вот другой, посолиднее, мордастый, с несколько расплывшимися чертами лица, кудрявыми волоса-

ми, с небольшим шрамом у подбородка, отставать так просто не хотел, и пришлось отвечать на его идиотские вопросы.

— Ты местная? — наконец спросил он.

— Нет, — ответила она, явно нервничая. С минуты на минуту мог появиться «ее клиент», а она беседовала с этим красномордым, похожим на сутенера типом.

— Значит, решила прийти сюда, — довольным голосом произнес красномордый, — очень хорошо. Меня Алексеем зовут. А тебя как?

— Лиза, — сказала она первое пришедшее ей на ум имя.

— Хорошо, — неожиданно сказал он, — а тебе сколько лет? Поздно начинаешь, девочка.

— Пошел ты!.. — огрызнулась она.

Он даже не обиделся. Только улыбнулся.

— А ты не ругайся, не ругайся. Ты ведь у нас здесь новичок. А это моя территория. Кто без моего разрешения здесь появляется, мне налог платит.

— Какой налог? — растерялась она. Про «налог» она ничего не слышала.

— Здесь наши девочки работают. А ты у них клиентов отбираешь, — захохотал красномордый и, вытерев слюну со рта, мягко произнес: — Налог нужно платить. В месяц — две тысячи рублей.

— Сколько?! — ахнула она. — Две тысячи?

— Конечно. Можно и по частям. А можно и натурой.

— Как так? — Она все-таки была очень непонятливым человеком для занятий подобного рода.

— Ну, натурой. За каждый часик будем снимать с тебя десятку, — заулыбался незнакомец.

— Нет, — решительно сказала она, как будто действительно собиралась работать здесь довольно долгое время и не платить налоги этим мародерам.

— Что «нет»? — опешил от такой наглости красномордый.

— Не буду платить, — твердо сказала она. В эту минуту она даже забыла о своей роли, так полно вписываясь в придуманный образ «девочки у отеля».

— Будешь, — он даже не рассердился, — будешь, милая. У меня здесь все куплено — милиция, швейцары, бармены. Ни одной случки без меня не получится. А попытаешься ловчить — личико тебе порежем. Лезвием тонким носик и щечки. И тогда тебя даже в колонии не захотят трогать. И мать родная не узнает. Понимаешь? — От гнилых зубов несло каким-то особенно неприятным кислым запахом. Она поморщилась, представив себе, сколько молодых девушек попадают к таким типам. Но сейчас нельзя было срывать операцию.

— Черт с тобой, — безразлично сказала она, — только все вопросы решим завтра. Сегодня мой первый день. Мой клиент скоро будет. Дай мне нормально поработать.

— Никаких проблем. В первый раз все правильно. Ты ведь не знала, что нужно платить. Если спросит кто, скажи, Алексей разрешил, и все будет нормально. Кстати, девка ты хорошая, хотя и наглая очень. Будешь мне платить натурой, я с тебя денег брать не стану.

При одной мысли, что когда-нибудь с ней в постели может оказаться подобный тип, ее чуть не стошнило. Она выдавила:

— Ладно, Алексей, потом поговорим.

— А французской любовью ты занимаешься? — Он снова показал свои гнилые зубы и захохотал.

В сочетании с модным галстуком и модным плащом эти зубы создавали какое-то фантасмагорическое зрелище. «Как картины Сальвадора Дали», — подумала она. Интересно, он слышал когда-нибудь о картинах Дали? Наверняка нет.

Она отошла от этого типа, взглянув на часы. «Клиент» должен был скоро появиться. Впервые она с ужасом подумала, что испытывают девицы подобного сорта, когда работают у этих гостиниц. Подумала и содрогнулась от ужаса.

Этот американец появился ровно в три часа. Он вышел из автомобиля, такой высокий, подтянутый, с красиво уложенной шевелюрой. Уже начавшие сесть волосы были зачесаны назад. На нем было легкое серое пальто и темно-красный шарф. Кивнув водителю, он пошел к зданию отеля.

Она оцепенела. Теперь, когда нужно было наконец действовать, она испугалась. Испугалась, словно девочка. Но замешательство было недолгим. Она ринулась к иностранцу.

— Мистер, — сказала она на хорошем английском, — вы не угостите меня сигаретой?

Американец удивленно оглянулся. Заметил ее, сразу изменился в лице. Психологи обратили внимание, что ему нравился именно такой тип женщин — высокие, длинноногие, с удлиненными чертами лица, крупнокостные, словом, «лошадки», как их называли на своем жаргоне сутенеры и психологи КГБ. И те и другие использовали один и тот же сленг, словно между ними не было разницы. Хотя, если вдуматься, никакой разницы действительно не было. Сутенер Алексей посылал женщин на панель ради личного заработка, а психологи КГБ, отбиравшие женщин на эту работу, действовали так и ради личной заинтересованности. В случае верного «подбора кадров» они получали благодарности, награды, звания. Она и была тем самым «подобранным кадром», который отправили к гостинице «Интурист».

— У меня есть «Мальборо», — ответил американец, доставая пачку и пристально разглядывая подошедшую к нему женщину. Она достала сигарету, он щелкнул зажигалкой.

— Вы хорошо говорите по-английски, — похвалил ее иностранец.

— Учила в институте. А вы англичанин?

— Американец. — Он показал на здание гостиницы. — Может, войдем внутрь? Я вас приглашаю в бар.

— Неудобно. Нас могут увидеть вместе. Вы ведь знаете наши порядки, — она показала на швейцара, — обязательно начнут спрашивать, куда и зачем.

— Это правда, — засмеялся американец.

Он слишком четко выговаривал слова. Это ее немного насторожило. Она знала, что американцы говорят, больше проглатывая слова, а так правильно говорят либо англичане, либо иностранцы. Может, этот тип учился в Англии? Но спрашивать все равно нельзя, иначе он заподозрит собеседницу в слишком хорошем знании английского языка. А это, в свою очередь, может означать, что она подстава КГБ или МВД. В Москве семидесятого года было не так много женщин, пристающих к иностранцам на хорошем английском языке. Они все оказались востребованными в других ведомствах.

— Что нам делать? — спросил иностранец. — Думаете, мы не сможем войти?

— Вы идите первым и ждите меня в баре, а я постараюсь пройти сама, — предложила она.

— Хорошо, — обрадовался американец, — это правильно. Как вас зовут?

— Лиза. — Она второй раз почему-то назвалась этим именем. Может, просто вспомнила Карамзина и словосочетание «Бедная Лиза».

— Роберт, — сказал он, приветливо улыбаясь. От него исходил тончайший аромат французских духов, она не могла определить каких, но это было лучше, чем гнилостное дыхание Алексея.

Когда иностранец вошел в здание гостиницы, она, выждав минуту, пошла следом. Поднялась по ступенькам, но строгий швейцар остановил ее сразу.

— Куда прешь?

— Что вы говорите? — спросила она по-английски.

Но швейцара не так легко было обмануть. Во-первых, они набирались всегда из бывших военных и сотрудников милиции, во-вторых, сразу узнавали «свой контингент», в-третьих, московские церберы отличались редким сволочизмом даже по сравнению с подобными типами из других крупных городов родного отечества, в-четвертых, были заинтересованы в обнаружении всех не прописанных в гостинице гостей, так как это сразу увеличивало их материальное благосостояние. И, наконец, в-пятых, о чем никто и никогда вслух не говорил, заодно они работали стукачами милиции и органов безопасности, причем часто их информация бывала наиболее ценной и значимой.

— Ты мне зубы не заговаривай, — грозно нахмурился швейцар. Раньше он работал надзирателем в колонии и знал, как нужно обращаться с людьми. — Давай уходи отсюда.

— Меня Алексей послал, — тихо произнесла она, решившись произнести имя того типа.

— Так бы сразу и сказала, — он посторонился, — иди, но смотри, без глупостей. Ты, видно, новенькая, я тебя раньше не видел здесь.

Она поспешила в бар. Там уже сидел за столиком Роберт. Увидев ее, он приветливо замахал рукой.

— Заходите, Лиза, — сказал он довольно громко, — я боялся, что вы не сможете проникнуть в отель.

— Это было достаточно трудно, — призналась она.

— О да, — засмеялся он, — я все знаю. У вас борются за нравственность и никого не пускают в гостиницы. Это очень плохо, Лиза, потому что, если двое людей хотят что-то сделать, их не остановить такими глупыми запретами. Что вы будете пить?

— Минеральную воду, — на секунду она забылась, но, поправив себя, произнесла: — И шампанское, конечно.

— Я уже заказал, — признался Роберт, — сейчас принесут.

Она сидела напротив него, оглядывая бар, в который впервые попала. Он был полупустой. Несколько девиц сидели в углу, они явно неодобрительно смотрели на нахалку, осмелившуюся работать «на их территории». В другом углу сидели несколько финнов, для которых самым сладостным утешением была водка, продаваемая

без ограничений во всех московских ресторанах и барах. На девиц они просто не обращали никакого внимания.

Официантка принесла бутылку шампанского, фрукты, шоколад, две бутылки минеральной воды. Правда, она не открыла шампанское, и Роберту пришлось приложить все усилия, чтобы пробка не вылетела из бутылки, разбрызгивая вокруг пенящийся напиток. Он наконец справился с этим трудным делом и, разлив шампанское в высокие бокалы, улыбаясь, сказал:

— За встречу.

— За встречу, — подняла она свой.

Потом были обычные разговоры ни о чем, снова бокалы с шампанским, легкая музыка, танцы, вторая бутылка, и, наконец, он предложил ей подняться вместе с ним в номер. Несмотря на выпитое шампанское, уже ударившее в голову, она внутренне сжалась. Она хорошо понимала, что рано или поздно он предложит ей именно это, и сознавала, что отказаться не будет никакой возможности, но все равно его предложение прозвучало для нее слишком неожиданно. Она как-то замялась, даже оглянулась по сторонам. Он терпеливо ждал. Шампанское кружило голову.

— Прямо сейчас? — несколько жалобно спросила она.

— Конечно. — Кажется, он был удивлен.

«Господи, — подумала она, — я ведь знала, на что именно иду. Но вот так сразу?!» У нее до этого никогда не было подобного опыта. Если не

считать вполне романтических историй, никто никогда не предлагал ей такого через полчаса после знакомства. И она знала, что обязана принять это приглашение.

— Вас что-нибудь беспокоит? — Кажется, он начал понимать ее состояние.

— Нет. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась какая-то вымученная. — Я иду, иду с вами. — Губы предательски дрожали, она боялась неизвестно чего.

Конечно, она давно не девочка, ей все-таки уже за двадцать пять, но вот так, впервые с незнакомым мужчиной... Она не хотела себе признаваться, но действительно боялась. Кроме всего прочего, к страху примешивалось и какое-то болезненное любопытство. Она не знала, как это бывает «в первый раз с иностранцем». И не хотела себе признаться, что ей даже нравится сидеть с этим хорошо одетым и вкусно пахнущим человеком.

Она буквально заставила себя подняться вслед за ним, пройти холл, войти в лифт. Он вел себя как джентльмен. Несмотря на то, что в лифте они были одни, он не сделал даже попытки приблизиться к ней. Затем они долго шли по коридору, и наконец он открыл дверь своего номера, пропуская ее внутрь. Пройдя к окнам, он задернул занавески, и в комнате воцарилась относительная темнота. Она была благодарна ему за это проявление чуткости. Так ей было легче раздеваться. Нейлоновая комбинация, столь мод-